

УДК. 343.28

Понятие и признаки принудительных мер медицинского характера

И. А. Ефремова¹ ✉

¹Саратовская государственная юридическая академия
ул. Вольская 1, г. Саратов 410003, Российская Федерация

✉ e-mail: efremova005@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Безопасность человека может обеспечиваться не только посредством привлечения виновного лица к уголовной ответственности и назначения ему наказания, но и в некоторых случаях посредством назначения принудительных мер медицинского характера, для назначения и исполнения которых имеют важное значение фундаментальные категории, а именно понятие и признаки, которые на настоящий момент остаются не разработанными.

Цель исследования заключается в выработке понятия и признаков принудительных мер медицинского характера.

Задачи: изучить российский уголовный закон в части регламентации принудительных мер медицинского характера; выявить доктринальные подходы к определению их понятия и признаков; разработать и представить авторскую дефиницию принудительных мер медицинского характера.

Методология. В процессе проведенного исследования использовались: диалектический метод познания, общенаучные (анализ и синтез, логический) методы и частно-научные методы познания (формально-юридический, статистический).

Результаты. Обозначены различные позиции ученых относительно принудительных мер медицинского характера, выявлены их признаки, на основе которых представлена авторская дефиниция принудительных мер медицинского характера.

Вывод. Несмотря на то, что принудительные меры медицинского характера активно изучаются со стороны научного сообщества, в настоящее время среди ученых отсутствует единство во мнении относительно фундаментальных категорий принудительных мер медицинского характера, в частности их понятия и признаков. Исходя из этого представляется необходимым закрепить в российском уголовном законе, а именно в статье 98 Уголовного кодекса Российской Федерации (при этом обозначив ее «Понятие и цели применения принудительных мер медицинского характера») следующую дефиницию: принудительные меры медицинского характера есть иная уголовно-правовая мера государственного принуждения к лечению, предусмотренная уголовным законом, назначаемая судом на основании обвинительного приговора или постановления конкретному лицу, указанному в части 1 статьи 97 Уголовного кодекса Российской Федерации, от имени российского государства.

Ключевые слова: иная мера; мера уголовно-правового характера; понятие; признаки; обязанность лечения; невменяемое лицо; психическое расстройство; педофилия.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Ефремова И. А. Понятие и признаки принудительных мер медицинского характера // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 53–62.

Поступила в редакцию 01.07.2021

Принята к публикации 29.07.2021

Опубликована 30.08.2021

© Ефремова И. А., 2021

The Concept and Signs of Compulsory Medical Measures

Irina A. Efremova¹ ✉

¹Saratov State Law Academy
1 Volskaya str., Saratov 410003, Russian Federation

✉ e-mail: efremova005@yandex.ru

Резюме

Relevance. Human security can be ensured not only by bringing the guilty person to criminal responsibility and imposing punishment, but also in some cases by prescribing compulsory medical measures. For the purpose and execution of which the fundamental categories are important, namely the concept and features that currently remain undeveloped.

The purpose it consists in the development of the concept and signs of compulsory medical measures.

Objectives: to study the Russian criminal law in terms of the regulation of compulsory medical measures; to identify doctrinal approaches to the definition of their concepts and characteristics; to develop and present the author's definition of compulsory medical measures.

Methodology. In the course of the conducted research, the following methods were used: dialectical method of cognition, general scientific (analysis and synthesis, logical methods) and private scientific methods of cognition (formal-legal, statistical analysis).

Results. Various positions of scientists concerning compulsory measures of medical character are designated, their signs are revealed, on the basis of which the author's definition of compulsory measures of medical character is presented.

Conclusion. Despite the fact that compulsory medical measures are actively studied by the scientific community, there is currently no consensus among scientists on the fundamental categories of PMMC, in particular, their concept and characteristics. Based on this, it seems necessary to fix it in the Russian criminal law, namely, in art. 98 of the Criminal Code of the Russian Federation (while designating it «The concept and purpose of the application of compulsory medical measures») the following definition: compulsory measures of a medical nature are other criminal-legal measures of state coercion provided for by the criminal law, imposed by the court on the basis of a guilty verdict or a decision to a specific person specified in Part 1 of Article 97 of the Criminal Code of the Russian Federation, on behalf of the Russian state.

Keywords: other measure; measure of a criminal nature; concept; signs; duty of treatment; deranged person; mental disorder; pedophilia.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Efremova I. A. The Concept and Signs of Compulsory Medical Measures. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(4): 53–62. (In Russ.)

Received 01.07.2021

Accepted 29.07.2021

Published 30.08.2021

Введение

Основным Законом российского государства провозглашается, что человек, его права и свободы – высшая ценность¹. Данный конституционный постулат

обеспечивается законодательством российского государства в целом и российским уголовным законом в частности посредством привлечения лица, которое совершило на территории российского государства преступное посягательство, к уголовной ответственности и назначения ему наказания. Однако, если например, лицо, которое совершило преступное посягательство, может быть невменяемое в

¹ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 11, ст. 1416.

период совершения им преступления либо у такого лица наличествует психическое расстройство, расстройство сексуального предпочтения (педофилия), которые не исключают его вменяемость, то в данном случае является невозможным обеспечение безопасности без назначения такому лицу принудительных мер медицинского характера (далее – ПММХ), которые направлены улучшить психическое состояние таких лиц, а также предупредить совершение ими на территории российского государства новых преступных посягательств [1, с. 153].

Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ свидетельствуют об относительной устойчивости доли назначения ПММХ невменяемым лицам. Так, например, в 2016 г. ПММХ были назначены 2 863 лицам, которые были невменяемы (0,3% от общего числа выявленных лиц, которые совершили на территории российского государства преступное посягательство), в 2017 г. – 2 570 (0,3%); в 2018 г. – 2 529 (0,3%); в 2019 г. – 2 349 (0,3%); в 2020 г. – 2 169 невменяемым лицам (0,3%).

Проблема ПММХ относится к числу междисциплинарных [2, с. 3; 3, с. 188] (к числу уголовных, уголовно-процессуальных, уголовно-исполнительных проблем, а также к числу конституционных проблем, медицинских, общей и судебной психиатрии [4, с. 4–5]), решение которой необходимо начинать с разработки фундаментальных категорий: понятия и признаков ПММХ.

Глубокий анализ уголовно-правовой доктрины в исследуемой части позволяет констатировать, что несмотря на значительное в настоящее время количество исследований ПММХ все же их понятие и признаки остаются не разработанными. Незавершенность фундаментальных категорий ПММХ порождает в правоприменительной деятельности определенные

трудности, а в теории уголовного права – доктринальные разногласия.

Методология

В настоящей работе использован диалектический метод познания при анализе ПММХ как иной уголовно-правовой меры государственного принуждения к лечению и их признаков, а также общенаучные методы (анализ и синтез, логический) и частнонаучные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой). Такой общенаучный метод познания, как анализ и синтез, использовался для изучения российского уголовного закона, доктринальных позиций в рассматриваемой части. Посредством логического метода познания были определены сущность и содержание каждого из признаков ПММХ. При изучении дефиниций ПММХ использовался сравнительно-правовой метод познания. Статистический метод использовался для определения количества невменяемых лиц, которым были назначены ПММХ.

Результаты и их обсуждение

В настоящее время решение конкретных проблем развития российского уголовного закона, в том числе отнесение того или иного правового явления к уголовно-правовой сфере регулирования, является невозможным без установления его дефиниции, признаков и юридической природы [5, с. 32]. Не являются исключением и ПММХ. Сложность определения понятия рассматриваемых иных мер уголовно-правового характера заключается в том, что российским законодателем не определена их дефиниция [6], а в уголовно-правовой доктрине отсутствует единство во мнении относительно определения понятия ПММХ. Так, например, одни ученые полагают, что под ПММХ необходимо понимать именно уголовно-правовые меры государственного принуждения, которые назначаются лицам, совершившим преступное посягательство, судом по приговору, со-

держание которых состоит в принудительном лечении таких лиц [7, с. 135].

Другие предлагают понимать под ПММХ не уголовно-правовые меры, а принудительные средства медицинского характера. Например, Н. В. Жарко полагает, что данная позиция является наиболее верной, поскольку принудительные средства медицинского характера, по его мнению, выступают видом государственного принуждения, которые назначаются лицам, совершившим преступление, судом и которые заключаются в психиатрическом лечении таких лиц. Более того, данный автор приходит к суждению, что ПММХ – уголовно-правовые санкции [2, с. 87].

Имеется и позиция, что ПММХ – медико-судебные меры, которые назначаются судом лицам, представляющим опасность для общества, исходя из содержания и их психического состояния, которые содержат в себе как юридическое начало, так и медицинское начало [8, с. 22; 9, с. 144]. Некоторые предлагают под ПММХ понимать конкретные меры, которые определены российским законодателем и которые назначаются конкретным лицам (а именно тем, которые совершили преступления и у которых наличествует психическое расстройство) с целью улучшения их психического состояния или предупреждения совершения ими новых преступных посягательств [10, с. 529]. А. А. Рождествина указывает, что ПММХ – это именно медицинские меры, определенные законодателем в российском уголовном законе [11].

В правовой доктрине наличествует и позиция, согласно которой ПММХ – определенные способы лечения лиц, которые совершили преступное посягательство и у которых наблюдается психическое расстройство в целях предупреждения совершения ими новых преступных посягательств и в целях улучшения их психического состояния или их излечения [12, с. 115].

Для того чтобы наиболее полно и правильно сформулировать дефиницию ПММХ, необходимо выделить их признаки.

Принудительные меры медицинского характера относятся к иным мерам уголовно-правового характера, а не к уголовным наказаниям, в связи с чем ПММХ не входят в систему уголовных наказаний и не предусматриваются российским законодателем в санкциях статей Особенной части УК РФ, а также не несут в себе исправительный потенциал. ПММХ могут быть применены только к конкретным лицам, которые совершили на территории российского государства преступное посягательство (категории данных лиц обозначены в ст. 97 УК РФ). Исходя из того, что ПММХ не являются уголовным наказанием, можно прийти к следующим суждениям. В отношении ПММХ не применяется институт освобождения от наказания, определенный главой 12 УК РФ «Освобождение от наказания», а также не применяется в отношении ПММХ институт помилования, амнистии. При этом отнесение ПММХ не к иным мерам уголовно-правового воздействия, а, например, к принудительным средствам медицинского характера, медико-судебным мерам, медицинским мерам будет существенным образом противоречить основам российского уголовного закона, поскольку за совершение преступного посягательства, которое предусмотрено Особенной частью УК РФ, российским уголовным законом устанавливаются виды уголовных наказаний и иные меры уголовно-правового характера (ч. 2 ст. 2 УК РФ).

Как полагают некоторые ученые, ПММХ – вид государственного принуждения [2, с. 87; 7, с. 135; 13, с. 142]. В частности, А. И. Бобраков, А. А. Телегина, высказывая данное суждение, обосновывают его тем, что ПММХ, равно как и уголовные наказания, назначаются определенным категориям лиц за совершение преступления государственными органа-

ми (судом) от имени российского государства и обеспечиваются его принудительной силой [13, с. 142].

Однако среди научного сообщества наличествуют и противники данной позиции, которые полагают, что ПММХ – это не вид государственного принуждения, а способы лечения [14, с. 32]. Такое разночтение в позициях во многом обусловлено тем, что в уголовно-правовой доктрине нет единства во мнении относительно соотношений понятий «уголовная ответственность», «иные меры уголовно-правового характера», «наказание». Так, одни ученые полагают, что общим термином является «меры уголовно-правового характера» [15, с. 461], который включает в себя уголовную ответственность и иные меры уголовно-правового характера как равнозначные категории. Если следовать данному воззрению, то следует заключить, что иные меры уголовно-правового характера в целом, ПММХ в частности, не входят в содержание уголовной ответственности, но при этом они составляют с ней единое содержание мер уголовно-правовой ответственности [16, с. 65]. Подобную позицию занимает и Б. Т. Разгильдиев [17, с. 798]. Представляется, что данное суждение выступает верным, поскольку иное бы противоречило российскому уголовному закону, согласно которому невменяемое лицо не подлежит уголовной ответственности, однако такому лицу могут быть назначены ПММХ. При ином бы подходе при назначении невменяемому лицу ПММХ такое лицо бы считалось привлеченным к уголовной ответственности, что является неприемлемым в принципе. Однако при этом ПММХ, входя наряду с уголовной ответственностью в содержание мер уголовно-правового характера (собственно это и есть уголовно-правовое воздействие), являются видом государственного принуждения, поскольку российское государство обладает исключительным правом на назначение конкретному лицу ПММХ.

Более того, только российское государство обладает правом по определению полномочий в сфере назначения и исполнения иных мер уголовно-правового характера, устанавливает их основания назначения конкретному лицу, виды и содержание, не являющиеся исключением и ПММХ. Данное суждение вытекает из п. «о» ст. 71 Конституции РФ, которым уголовное законодательство относится исключительно к ведению российского государства, что связано с необходимостью создания единого уголовно-правового пространства. Следовательно, ПММХ – вид государственного принуждения к лечению, применяемое к конкретным лицам (ст. 97 УК РФ), которые совершили преступное деяние. Речь идет о том, что лицо, которому судом назначены ПММХ, должно подчиниться вступившим в законную силу обвинительному приговору или постановлению, которыми ему назначены ПММХ, а российское государство наделено правом применять для реализации вышеобозначенных решений суда соответствующие меры принуждения (воздействия).

Другие ученые полагают, что иные меры уголовной ответственности наряду с уголовным наказанием являются формой реализации уголовной ответственности, а следовательно, входят в его содержание. По мнению данных ученых, термин «уголовная ответственность» по отношению к иным мерам уголовно-правового характера и уголовному наказанию является родовым [18, с. 16]. Исходя из вышеизложенного, на наш взгляд, данная позиция является неверной.

Российский законодатель в ст. 99 УК РФ определил закрытый перечень видов ПММХ, которые могут назначаться определенным категориям лиц, совершившим преступное посягательство (из четырех видов ПММХ, которые определены российским законодателем, три из них непосредственным образом связаны с помещением лица в медицинские в ор-

ганизации, оказывающие психиатрическую помощь в стационарных условиях, и лишь один из них – четвертый связан с оказанием психиатрической помощи в амбулаторных условиях [19, с. 173]). Только российским уголовным законом определяются виды ПММХ, иное бы противоречило бы принципу законности, который определен российским законодателем в ч. 1 ст. 3 УК РФ, согласно которому преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только российским уголовным законом.

В качестве еще одного неотъемлемого признака ПММХ следует назвать, что ПММХ могут быть назначены исключительно судом, ибо на территории российского государства только суд может ограничивать права и свободы человека и гражданина, гарантированные Конституцией РФ и реализовать принуждение от имени российского государства. ПММХ, в отличие от уголовного наказания, назначаются судом не только на основании обвинительного приговора, но и на основании иных решений [20, с. 122]. Так, например, суд, придя к суждению, что конкретное преступное посягательство, по которому идет предварительное расследование, было совершено невменяемым лицом, или у лица, которое совершило преступное посягательство, после его совершения наступило психическое расстройство, которое делает невозможным назначение ему или исполнение любого вида уголовного наказания, выносит постановление об освобождении такого лица от уголовной ответственности или от уголовного наказания соответственно и о применении к нему ПММХ (ч. 1 ст. 443 УПК РФ).

Таким образом, ПММХ могут быть применены только к определенным категориям лиц, которые обозначены российским законодателем в ч. 1 ст. 97 УК РФ, а именно: к лицам, которые совершили преступное посягательство в состоянии невменяемости; к лицам, которые совер-

шили преступление и после его совершения у них наступило психическое расстройство, которое делает невозможным назначение или исполнение наказания; к лицам, которые совершили преступное посягательство и которые страдают психическим расстройством, которое не исключает вменяемости; к лицам, которые совершили преступное посягательство против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего 14 лет, и которые страдают расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключаящим вменяемости. При этом в ч. 2 ст. 97 УК РФ российский законодатель делает оговорку, что к лицам, которые совершили на территории российского государства какое-либо преступное посягательство, судом назначаются ПММХ только в том случае, когда его психическое расстройство непосредственным образом связано с тем, что такое лицо может причинить иной существенный вред либо такое лицо является опасным для себя или иных лиц. Исходя из этого следует прийти к суждению, что ПММХ применяются к лицам, которые совершили преступное посягательство и которые обладают общественной опасностью психически больного лица [20, с. 123].

Однако полагаем необходимым отметить, что данная позиция нередко со стороны научного сообщества справедливо подвергается критике. В частности, С. Н. Шишков, С. В. Полубинская отмечают, что указание российским законодателем в ч. 2 ст. 97 УК РФ на то, что к лицам, которые совершили на территории российского государства какое-либо преступное посягательство в состоянии невменяемости, судом назначаются ПММХ только в том случае, когда такое лицо, исходя из своего психического состояния невменяемости, может быть опасно как для самого себя, так и для общества, а также когда такое лицо, исходя из своего психического состояния, может причинить иной существенный

вред, содержит ряд изъятий. Во-первых, по их мнению, выступает не совсем правильным в начале использовать оценочный признак «инога», который должен использоваться, как они полагают, в конце. Во-вторых, существенный вред и опасность таких лиц должна наличествовать не для них, а для иных лиц, поскольку зачастую действия, совершив которые лицо может причинить вред своей жизни, здоровью и иным благам, не подпадают под действие российского уголовного закона [21, с. 165].

Иным признаком ПММХ выступает то, что ПММХ всегда носят строго персонализированный характер, иными словами, назначаются конкретному лицу, которое совершило преступление и которое обозначено в ст. 97 УК РФ. Судом ПММХ не могут быть применены к иным лицам (например, к родственникам лица, которое совершило преступное посягательство и у которого после его совершения наступило психическое расстройство, которое делает невозможным назначение или исполнение наказания). Представляется, что данный признак ПММХ имеет важное значение, исходя из чего полагаем необходимым отразить его в дефиниции ПММХ.

Лица, которым назначены ПММХ, испытывают определенные ограничения и лишения. Однако их сущность является неоднородной, что обуславливается основным их назначением, а также видом ПММХ. Так, например, лица, которым назначен вид ПММХ, реализация которого проходит в стационарных условиях, в большей степени испытывает ограничения и лишения (например, ограничение права на свободу передвижения), чем лицо, которому назначен вид ПММХ, осу-

ществление которого происходит в амбулаторных условиях и т.д.

Представляется необходимым в рассматриваемой части отметить, что ПММХ, в отличие от уголовного наказания, не являются отрицательной оценкой российского государства, которая должна следовать за совершенное преступное посягательство, а являются мерой, которая направлена на излечение лиц, обозначенных российским законодателем в ч. 1 ст. 97 УК РФ, или улучшение их психического состояния.

Выводы

Несмотря на то, что ПММХ активно изучаются со стороны научного сообщества, в настоящее время в правоприменительной деятельности наличествуют проблемы применения и исполнения ПММХ, которые во многом обусловлены отсутствием четкой законодательной регламентации применения и назначения ПММХ, а также отсутствием среди научного сообщества единства во мнении относительно фундаментальных категорий ПММХ, в частности понятия и признаков ПММХ. Исходя из этого, является необходимым закрепить в российском уголовном законе, а именно в ст. 98 УК РФ (при этом обозначив ее «Понятие и цели применения принудительных мер медицинского характера»), следующую дефиницию ПММХ: принудительные меры медицинского характера есть иная уголовно-правовая мера государственного принуждения к лечению, предусмотренная уголовным законом, назначаемая судом на основании обвинительного приговора или постановления конкретному лицу, указанному в ч. 1 ст. 97 УК РФ, от имени российского государства.

Список литературы

1. Корнеев С. А. Принудительные меры медицинского характера в структуре уголовно-правового воздействия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 2 (139). С. 153–160.

2. Жарко Н. В. Принудительные меры медицинского характера: уголовно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. 230 с.
3. Степашин В. М. Правовые основы применения принудительных мер медицинского характера: современное состояние проблемы // Вестник Кузбасского института. 2020. № 4 (45). С. 187–194.
4. Кудовба О. Н. Организация и контроль деятельности учреждений и органов, применяющих принудительные меры медицинского характера в отношении осужденных: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2017. 182 с.
5. Лощинкин В. В. К вопросу о юридической природе принудительных мер медицинского характера // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 3 (17). С. 32–39.
6. Спасенников Б. А. Теоретико-правовые основы принудительной психиатрической терапии // Baikal Research Journal. 2018. Т. 9, № 2. <https://doi.org/10.17150/2411-6262.2017>.
7. Ситникова А. И. Принудительные меры медицинского характера: законодательная техника // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2008. № 4 (17). С. 135–141.
8. Протченко Б. А. Принудительные меры медицинского характера по советскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. 191 с.
9. Быканов И. И. О генезисе принудительных мер медицинского характера // Теория науки. 2014. № 2. С. 144–147.
10. Грачева Ю. В., Чучаев А. И. Уголовное право России. Общая и особенная части. М.: Контракт: НИЦ ИНФРА-М, 2017. 384 с.
11. Рождествина А. А. Комментарий к закону РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании». М., 2006. URL: <http://consultant.ru/> (дата обращения: 11.05.2021).
12. Непомнящая Т. В. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, юридическая природа, система // Правоприменение. 2017. № 1. С. 114–121.
13. Бобракова А. И. Уголовное право Российской Федерации / под ред. А. И. Бобракова, А. А. Телегина. Брянск: Изд-во БГУ, 2013. 312 с.
14. Егоров В. С. Правовая природа принудительных мер медицинского характера // Медицинское право. 2005. № 4. С. 36–38.
15. Пудовочкин Ю. Е. Меры уголовно-правового характера и уголовная ответственность: научная дискуссия и поиск решения // Пенитенциарная наука. 2020. № 4 (52). С. 460–473.
16. Лопашенко Н. А. Конфискация имущества. М.: Юрлитинформ, 2012. 160 с.
17. Разгильдиев Б. Т. Глобальны ли иные меры уголовно-правового характера? // Научные основы уголовного права и процессы глобализации: материалы V Российского конгресса уголовного права (27–28 мая 2010 г.). М.: Проспект, 2010. С. 125–135.
18. Иногамова-Хегай Л. В. Уголовная ответственность: законодательные тенденции // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы VIII Международной научно-практической конференции. М.: Проспект, 2011. С. 14–19.
19. Полубинская С. В. Назначение принудительных мер медицинского характера // Труды института государства и права Российской академии наук. 2016. № 4. С. 173–186.
20. Брагин В. М., Степашин В. М. Иные меры уголовно-правового характера и судебный штраф // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2019. № 3. С. 121–131.
21. Шишков С. Н., Полубинская С. В. Законодательные проблемы принудительных мер медицинского характера (глава 15 УКРФ) // Lex Russia (Русский Закон). 2019. № 6 (151). С. 161–172.

References

1. Korneev S. A. Prinuditel'nye mery medicinskogo haraktera v strukture ugolovno-pravovogo vozdejstviya [Compulsory medical measures in the structure of criminal legal impact]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2021, no. 2 (139), pp. 153–160.
2. Zharko N. V. Prinuditel'nye mery medicinskogo haraktera: ugolovno-pravovoj aspect. Diss. kand. yurid. nauk [Compulsory medical measures: criminal-legal aspect. Cand. legal. sci. diss.]. Ryazan', 2005. 230 p.
3. Stepashin V. M. Pravovye osnovy primeneniya prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera: sovremennoe sostoyanie problemy [The legal basis for the use of compulsory medical measures: the current state of the problem]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2020, no. 4 (45), pp. 187–194.
4. Kudovba O. N. Organizaciya i kontrol' deyatel'nosti uchrezhdenij i organov, primenyayushchih prinuditel'nye mery medicinskogo haraktera v otnoshenii osuzhdennyh. Diss. kand. yurid. nauk [Organization and control of the activities of institutions and bodies that apply compulsory medical measures against convicted persons. Cand. legal. sci. diss.]. Ryazan', 2017. 182 p.
5. Loshchinkin V. V. K voprosu o yuridicheskoy prirode prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera [On the question of the legal nature of compulsory medical measures]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2015, no. 3 (17), pp. 32–39.
6. Spasennikov B. A. Teoretiko-pravovye osnovy prinuditel'noj psixiatricheskoj terapii [Theoretical and legal bases of compulsory psychiatric therapy]. *Baikal Research Journal*, 2018, vol. 9, no. 2. <https://doi.org/10.17150/2411-6262.2017>.
7. Sitnikova A. I. Prinuditel'nye mery medicinskogo haraktera: zakonodatel'naya tekhnika [Compulsory medical measures: legislative technique]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Omsk University. Series: Law*, 2008, no. 4 (17), pp. 135–141.
8. Protchenko B. A. Prinuditel'nye mery medicinskogo haraktera po sovetskomu ugolovnomu pravu. Diss. kand. yurid. nauk [Compulsory medical measures under Soviet criminal law. Cand. legal. sci. diss.]. Moscow, 1979. 191 p.
9. Bykanov I. I. O genezise prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera [On the genesis of compulsory medical measures]. *Teoriya nauki = The theory of science*, 2014, no. 2, pp. 144–147.
10. Gracheva Yu. V., Chuchayev A. I. Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya i osobennaya chasti [Criminal law of Russia. General and special parts]. Moscow, Kontrakt Publ., NIC INFRA-M Publ., 2017. 384 p.
11. Rozhdestvina A. A. Kommentarij k zakonu RF ot 2 iyulya 1992 g. № 3185-1 "O psixiatricheskoj pomoshchi i garantiyah prav grazhdan pri ee okazanii" [Commentary to the Law of the Russian Federation No. 3185-1 of July 2, 1992 "On psychiatric care and guarantees of the rights of citizens in its provision"]. Moscow, 2006. Available at: <http://consultant.ru/> (accessed 11.05.2021).
12. Nepomnyashchaya T. V. Inye mery ugolovno-pravovogo haraktera: ponyatie, yuridicheskaya priroda, sistema [Other measures of a criminal-legal nature: concept, legal nature, system]. *Pravoprimenenie = Law enforcement*, 2017, no. 1, pp. 114–121.
13. Bobrakova A. I. Ugolovnoe pravo Rossijskoj Federacii [Criminal law of the Russian Federation]; ed. by. A. I. Bobrakova, A. A. Telegina. Bryansk, Bryansk St. Univ. Publ., 2013. 312 c.
14. Egorov V. S. Pravovaya priroda prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera [The legal nature of compulsory medical measures]. *Medicinskoe pravo = Medical law*, 2005, no. 4, pp. 36–38.

15. Pudovochkin Yu. E. Mery ugolovno-pravovogo haraktera i ugolovnaya otvetstvennost': nauchnaya diskussiya i poisk resheniya [Criminal law measures and criminal liability: scientific discussion and search for a solution]. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary science*, 2020, no. 4 (52), pp. 460–473.
16. Lopashenko N. A. Konfiskaciya imushchestva [Confiscation of property]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012. 160 p.
17. Razgil'diev B. T. Global'ny li inye mery ugolovno-pravovogo haraktera? [Are other measures of a criminal-legal nature global?]. Nauchnye osnovy ugolovnogo prava i processy globalizacii. Materialy V Rossijskogo kongressa ugolovnogo prava (27–28 maya 2010 g.). [Scientific foundations of criminal law and the processes of globalization. Materials of the V Russian Congress of Criminal Law (May 27-28, 2010)]. Moscow, Prospekt Publ., 2010, pp. 125–135.
18. Inogamova-Hegaj L. V. Ugolovnaya otvetstvennost': zakonodatel'nye tendencii [Criminal liability: legislative trends]. Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke. Materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Criminal law: development strategy in the XXI century. Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference]. Moscow, Prospekt Publ., 2011, pp. 14–19.
19. Polubinskaya S. V. Naznachenie prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera [Appointment of compulsory medical measures]. *Trudy instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk = Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2016, no. 4, pp. 173–186.
20. Bragin V. M., Stepashin V. M. Inye mery ugolovno-pravovogo haraktera i sudebnyj shtraf [Other measures of a criminal-legal nature and a judicial fine]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Omsk University. Series: Law*, 2019, no. 3, pp. 121–131.
21. Shishkov S. N., Polubinskaya S. V. Zakonodatel'nye problemy prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera (glava 15 UKRF) [Legislative problems of compulsory medical measures (Chapter 15 of the UKRF)]. *Lex Russia (Russkij Zakon)*, 2019, no. 6 (151), pp. 161–172.

Информация об авторе / Information about the Author

Ефремова Ирина Алексеевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация,
e-mail: efremova005@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-0071-1999

Irina A. Efremova, Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Department of Criminal and Penitentiary Law, Saratov State Legal Academy, Saratov, Russian Federation,
e-mail: efremova005@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-0071-1999